Религия и секуляризм на Кавказе

НАША главная тема в этом выпуске журнала — религии на Кавказе. Нет необходимости говорить о неподражаемом богатстве, красочности, а также глубокой проблемности этого региона как предмета научного осмысления в рамках гуманитарных дисциплин. Кавказ в целом, его крупные субрегионы и его бесчисленные фрагменты, вместе, по отдельности, в бесконечном калейдоскопическом взаимодействии, были предметом работы многих поколений археологов, историков, филологов, искусствоведов и традиционных этнографов. Теперь, в течение четверти века после распада Советского Союза, к ним в полной мере подключились экономисты, политологи, социологи, демографы и социальные антропологи.

Здесь мы концентрируемся на религии — в ее конфессиональном и содержательном многообразии. В последние десятилетия, когда центральной «парадигмой ожиданий» на Кавказе была модернизация — во всяком случае, ее очередной виток, понимавшийся как создание независимых национальных государств, новой рыночной экономики, новых общественных институтов и норм, — исследователи этого региона сравнительно мало обращали внимания на религию. Но с самого начала было очевидным, что религия стала постоянно присутствующим явлением. Это было, на первый взгляд, неожиданно, поскольку идеалы общественных перемен и опыт советской «безрелигиозности» казались решительным ее отрицанием. Но это было, по сути, и ожидаемо, поскольку те же задачи национального самоутверждения и тот же опыт длительных репрессий требовали сильных символических ресурсов, потребность в которых была велика в пери-

Данный текст и все статьи Главной темы подготовлены в рамках научно-исследовательской работы «Религия и общество на Кавказе: формы взаимодействия и современная динамика» (2016, Лаборатория анализа общественных коммуникаций РАНХиГС).

од постсоветского национального самоутверждения, и религия стала одним из таких ресурсов. Религия, казалось, снова обнаружила энергию сплачивающего коллективного культа, вполне в духе Дюркгейма. Она неудержимо ворвалась в публичную сферу, стала источником политической легитимации и массовой идентичности.

Но здесь важно избежать преувеличения. Все оказалось еще сложнее. В кавказских обществах начала XXI в. отношение к религии амбивалентно: к инерции старых светских (и советских) привычек добавились новые светские модели, которым «религиозные ценности и идеалы» могли прямо противоречить; а также государственный прагматизм, стремящийся к регулированию взрывоопасной энергии сакрального — ее контролируемому использованию и нейтрализации ее субверсивного мобилизационного потенциала. Наконец, надо еще понять, о какой «религии», собственно, идет речь? «Религия» дробилась на множество форм, относящихся к разным уровням институционализации, разным сферам и группам, придерживавшимся разных социальных ориентаций и политических повесток. Политические и социальные лидеры на всех уровнях интерпретировали, конструировали, изобретали религию на свой вкус и по своим потребностям (часто — вовсе не религиозным), смешивая ее в разных пропорциях с другими идеями и ценностями. Нельзя сказать, что романтический образ всеобщего «национального культа» есть чистый нонсенс, но он действует скорее именно как образ, как некий фантом, который иногда может просвечивать в политической риторике сквозь сложную, дифференцированную картину разных религиозных форм и дискурсов.

Дополнительная интрига на Кавказе состоит в том, что этот регион, если можно так выразиться, есть область высокой культурной и геополитической сейсмичности: он был и остается на стыке региональных имперских амбиций и влияний, а теперь еще и включен в глобальную динамику. В эпоху транснациональных смешений, миграций, диаспор, союзов иногда трудно увидеть границу между «внутренними и внешними» формами религии или моделями светскости, притом что риторика «своего и чужого» повсюду доминирует. Деконструкция всех этих напластований — тонкая работа, но столь же увлекательная: Кавказ в очередной раз предстает уникальной лабораторией, на этот раз — для исследователей религии.

* * *

Все это многообразие и сложность как раз и проявились в полной мере во время конференции, которая состоялась в начале июня 2015 г. в Тбилиси[2]. Конференция, возможно, впервые собрала почти всех ведущих специалистов, занимающихся современными религиозными процессами в регионе. Специальный кавказский блок этого выпуска публикует около половины докладов той конференции. В сущности, этот специальный блок — это одна из первых попыток охватить всю религиозную проблематику под одной обложкой — и Северный, и Южный Кавказ; христианство, ислам и автохтонные (этнические) религии; роль религии на национальном и на местном уровне[3]. Однако, разумеется, существуют уже много глубоких исследований, посвященных современным религиозным сюжетам в отдельных странах или субрегионах Кавказа; все они наверняка окажутся в библиографиях ниже представленных статей.

Те четырнадцать статей, которые здесь опубликованы, касаются далеко не всех аспектов нашей темы, и тем не менее они демонстрируют тематическую и дисциплинарную широту. Такая широта может быть рискованной, но мы сознательно исходили из желания посмотреть на наш объект в разных оптиках.

Попытаемся, однако, внести некоторую логику в порядок представленных статей.

Мы начинаем с ярких конкретных примеров религиозного конструктивизма, описанных антропологами. В первой статье Сергея Штыркова речь идет о формировании образа «национального» осетинского православия и о том, как в спорах о возможной канонизации русской княгини осетинского происхождения

2. Конференция «Религия и секуляризм на Кавказе: новые соотношения» была проведена в рамках Проекта *Cascade: Exploring the Security-Democracy Nexus in the Caucasus*, финансируемого Европейским союзом (www.cascade-caucasus.eu); партнерами выступили также Проект *ISSICEU: Intra- and Inter-Societal Sources of Instability in the Caucasus* (www.issiceu.eu) и Государственный университет Илии, Тбилиси (iliauni.edu.ge)

3. Можно упомянуть следующие издания, частично ставящие сходные цели, но больше посвященные политическим аспектам: *Религия и политика на Кавказе*. Отв. ред. А. Искандарян. Ереван: Кавказский институт СМИ, 2004; Balci, B., Motika, R. (eds) (2007) *Religion et politique dans le Caucase post-sovietiques*. Paris: Maisonneuvre & Cousin; Agadjanian, A., Jödicke, A., Zweerde, E. van der (eds) (2014) *Religion, Nations and Democracy in the South Caucasus*. Routledge. Отметим еще интересную работу антропологов, см. готовящуюся книгу: Darieva, T., Mühlfried, F., Tuite, K. (Forthcoming) *Sacred Places, Emerging Spaces: Religious Pluralism in the Caucasus*.

выявляются разные интерпретации «святости» и их политические импликации. Две последующие статьи посвящены абхазской религии: статья Игоря и Риты Кузнецовых предлагает историю и насыщенную этнографию одного «гибридного» сакрального культа — по значению центрального для Абхазии; а затем Арусяк Агабабян показывает, как рождающаяся на наших глазах «традиционная абхазская религия» становится частью ведущего политического дискурса самопровозглашенной республики.

Следующие три статьи посвящены православию в Грузии. Все три по-разному ставят сходные вопросы о «культурной войне» — конфликте между религиозным этнонационализмом, расцветшим в Грузии с невероятной силой с конца 1980-х гг., и светскими ценностями, воспринимаемыми как часть «европейского демократического пакета». С наибольшей остротой этот конфликт проявился в правление реформистского правительства М. Саакашвили (2003–2012). Однако, как показывает Барбаре Джанелидзе, противостояние вряд ли может остановиться, и ее *case study* посвящено тому, как религиозные и светские позиции, апеллирующие к по-разному воображаемому национальному идеалу, артикулируются в момент драматического противостояния между православными радикалами и ЛГБТ-активистами. Тамар Чарквиани и Ана Челидзе в своей статье «отмеряют» возможные границы публичного участия Грузинской церкви, с точки зрения разных социальных акторов, но выявляют и некоторую характерную раздвоенность, когда некоторые группы населения — особенно молодежь — не способны еще четко сформулировать свое отношение к роли церкви в грузинской политике.

Статья Сильвии Серрано посвящена тем же процессам переосмысления «религиозного» в современной Грузии, что и два предыдущих текста, но у нее другая оптика: она исследует коллизии грузинской идентичности, на этот раз — на примере споров вокруг строительства и реконструкции знаковых религиозных зданий — кафедрального собора Самеба в Тбилиси и собора Баграти в Кутаиси. В том же духе Юлия Антонян подхватывает тему социальной и политической семиотики храмов, но на армянском материале: она исследует феномен бурного строительства церквей на деньги мигрантов, жителей армянских деревень, которые тем самым утверждают повышение своего социального статуса в местном обществе.

Тема социальной и экономической «семиотики религиозного» продолжается в статье Екатерины Капустиной, которая

посвящена быстрому росту рынка «исламских» товаров и «исламского» бизнеса в дагестанских городах, прежде всего в Махачкале, — тому, что автор называет «коммодификацией религии». Исламская атрибутика и символика становятся повсеместными, заполняют городское пространство, превращаются в часть масскультурного мейнстрима, артикулируя религиозную составляющую дискурса об идентичности.

Две следующие статьи посвящены современному культу святых на двух конкретных примерах — на азербайджанском и грузинском материале. Цыпылма Дариева в своем *case study* исследует истоки и представляет этнографию синкретического культа городского святого-целителя — культа, в котором суфийские и шиитские элементы по-новому контекстуализированы в современном и быстро меняющемся секулярном городе. Софи Звиададзе исследует феномен культа грузинского православного монаха и юродивого, отца Габриэла. В отличие от локального бакинского примера грузинский культ приобрел массовые, даже национальные масштабы, и монах был канонизирован церковью. Грузинский пример интересен в плане соотношения народной (популярной) и официальной религии. Кроме того, в обоих случаях народные культы приобретают политическое звучание, включаются в политические дискурсы — явление, которому посвящены большинство уже упомянутых выше статей.

В двух следующих статьях мы возвращаемся на Северный Кавказ — в Кабардино-Балкарию и снова в Дагестан, на этот раз сельский, — и снова обращаемся к формам присутствия ислама как повседневной, «проживаемой» религии; тому, как ислам встроен в современное общество, в структуры авторитета и власти. Александра Такова анализирует субкультуру «молящейся» молодежи внутри кабардино-балкарского общества — ее генезис; используемые и узнаваемые маркеры идентичности; социальные и поведенческие ориентации, строящиеся согласно строгому прочтению мусульманской традиции; и, наконец, ее восприятие в сложном современном обществе республики. Анна Зайцева представляет результаты полевых исследований в одном дагестанском селе, где нестандартный авторитет обладающего харизмой имама привел к конфликту местных интересов, выраженных отчасти в религиозных категориях, в спорах вокруг разных интерпретаций ислама. В обеих статьях всплывает тема «исламского радикализма» и неизбежных, соотносимых с ней, проявленных через нее социальных напряжений.

Как видно, проблема подвижной, противоречивой религиозной идентичности является одной из центральных в наших статьях; Конрад Секерски анализирует еще один сложный пример — армян-католиков в Армении и Грузии. Это меньшинство с двойной маргинальностью — и по отношению к универсалистской Римской церкви, и по отношению к эксклюзивно-национальной Армянской апостольской церкви.

Последняя статья — Александра Агаджаняна — является попыткой осмысления эссенциалистских интерпретаций этнонациональных и религиозных идентичностей на Южном Кавказе, ставших общим местом и для правящих элит, и на уровне массового сознания. Как объяснить этот взрыв идентичностей с их претензией на неизменность, жесткие границы и политическое воплощение с точки зрения доминирующих академических парадигм, фиксирующих как раз таки противоположные тенденции — транснациональные и глобальные смешения, текучесть и постоянное реконструирование идентичностей? Все статьи этого выпуска, впрочем, в той или иной мере демонстрируют, как образ неизменной, возвращенной религии в сущности дробится, изобретается и инструментализируется разными группами, и растущие транснациональные связи являются неустранимой частью этой картины.

Завершает главную тему интервью с Георгием Дерлугьяном, который возвращается к теме радикального исламизма на Кавказе, помещая ее в более широкие региональные и, в сущности, глобальные рамки. Дерлугьян пытается найти социальные (местные и глобальные) причины популярности исламизма и одновременно касается самых общих вопросов общественной динамики на Кавказе в его региональной целостности.

А. Агаджанян, С. Серрано, Д. Узланер